

Оглавление

От автора	4
Часть 1. «Слово о полку Игореве»: основная проблематика	13
Глава 1. Когда было написано «Слово»?	15
Глава 2. Кто он, автор «Слова»?	60
Глава 3. История Руси глазами поэта	85
Глава 4. История Руси глазами поэта (продолжение)	123
Глава 5. Дефектные фрагменты «Слова»	155
Часть 2. Вокруг «Слова о полку Игореве»	188
Глава 1. Поэтическая тетралогия Софония Рязанца	190
Глава 2. Размышления о судьбе таланта на Руси	238
Глава 3. Проза Софония Рязанца	264
Вместо заключения	291

От автора

Когда ты становишься профессиональным филологом, то вступаешь в пределы прекрасного зачарованного круга. Занимаясь проблемами языка, ты в то же время испытываешь neodолжимое влечение к литературе, написанной на этом языке. Наоборот, будучи сосредоточен на вопросах литературы, ты никогда не утрачиваешь живого интереса к языку — верховному повелителю мысли, в том числе и художественной. И, видимо, в согласии с этим законом филологии я — лингвист, продуктивно работавший в сфере синтаксиса, неожиданно для себя более четверти века назад серьезно заинтересовался «Словом о полку Игореве» и приступил к разматыванию перепутанных нитей исторических, литературоведческих и лингвистических загадок, что в конечном счете привело к возрождению из небытия имени первого русского поэта Софония Рязанца. На долю «Слова о полку Игореве» — начального звена русской словесности — судьба выпала трудная и сложная. Ее «извивы» с необходимой тщательностью прослежены в специальных исследованиях, поэтому для целей, поставленных в моей книге, достаточно обрисовать лишь общие контуры тех непростых событий, которые определили интересующее нас современное состояние слововедения.

По неясным причинам «Слово» долгое время после написания пребывало в «пыльном забвении», оставаясь недоступным или, по крайней мере, малодоступным для читателей. (Тот факт, что исторические источники даже не упоминают о нем, как если

бы «Слова» вообще не существовало, конечно же, не случаен.) И лишь в конце XVIII в. оно попало в руки любителя отечественных раритетов екатерининского вельможи А.И. Мусина-Пушкина. Это была не авторская рукопись, а всего лишь копия, возможно, снятая с какого-то промежуточного списка. Современники графа А.И. Мусина-Пушкина, видевшие копию, отметили в своих воспоминаниях, что текст ее был написан на лощенной бумаге полууставом, переходящим в скоропись. А это означало, что копия была снята, скорее всего, в XV в., когда лощенная бумага уже вошла в употребление наряду с пергаментом (специально обработанной телячьей кожей), а полуустав — особый вид письма, отдаленно напоминавший наш печатный шрифт, окончательно не обособился от скорописи, которая еще не выработала особых написаний и не превратилась в средство письменной фиксации деловых и некоторых иных документов (этот процесс протекал в XVI—XVII вв.).

К нашему счастью, копированием рукописи занялся квалифицированный книжник того времени, который отнесся к делу с особым тщанием и нигде ничего сознательно не прибавил и не убавил (хотя в XV в. вмешательство в авторский текст редакторов и переписчиков стало привычным явлением). Однако совершенно безошибочной копия просто не могла быть, потому что в памятнике использовалось много «старых словес», относящихся к XII в. (в рамках которого происходили события, описанные в произведении), и переписчик, не зная их, вполне мог заменить непривычные для него архаизмы современными ему словами русского языка — хоть и похожими, но совсем с другими значениями. Допускались, естественно, и простые описки.

Но это был только первый слой ошибочных написаний. Второй их слой заявил о себе позднее, когда помощники графа А.И. Мусина-Пушкина — квалифицированные исследователи И.Н. Бантыш-Каменский и А.Ф. Малиновский готовили рукопись к печати. Возраст ее к тому времени был весьма почтенным — более трех столетий, и, надо думать, бумага порядком обветшала, чернила выцвели, отдельные буквы (прежде всего

написанные над строкой) стали плохо различимыми. А это значит, что искажения текста снова стали неизбежными, и, естественно, они нашли отражение в первом печатном издании памятника, вышедшем в 1800 г. Конечно, позднее, например, в наши дни, современные технические средства высветили бы многое из того, что оставалось незаметным для невооруженного глаза. Но увы! В огне пожаров, бушевавших в Москве во время нашествия Наполеона, рукопись погибла. Это был новый, но, к сожалению, не последний удар судьбы.

Читающая публика России в своем подавляющем большинстве встретила найденный древнерусский памятник с восторгом. Начиная с 1803 г. появляются поэтические и прозаические переводы «Слова», поэты того времени широко используют в своих произведениях образы и речевые обороты памятника, предпринимаются попытки осмыслить его значение в истории русской культуры. Среди почитателей «Слова» были лучшие мастера культурной России, художественному вкусу которых можно было доверять: Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин (судя по сохранившимся наброскам, собиравшийся переводить «Слово» и писать о нем специальное исследование). Однако всеобщим такое восприятие памятника не стало, хотя бы уж в силу известной закономерности: безотносительно к тому, верен или неверен выдвигаемый тезис, научное познание противопоставляет ему полярное утверждение — некоторую контргипотезу, словно демонстрируя свою приверженность известному принципу: «всякое действие рождает противодействие».

Применительно к «Слову» такого рода контргипотезу выдвинули в начале XIX столетия сторонники скептического направления М.Т. Каченовский, Н.И. Надеждин, Н.П. Румянцев, О.И. Сенковский, М.Н. Катков. Ими была высказана мысль, что «Слово» или неумелое произведение, или всего лишь поздняя подделка, созданная то ли А.И. Мусиным-Пушкиным, то ли Н.М. Карамзиным, то ли кем-то неизвестным. Последнее заключение, строго говоря, основывалось на постороннем по отношению к «Слову» факте — знании того, что в конце XVIII —

начале XIX в. в западной литературе участились попытки фальсификации старых текстов. Особенно значительными оказались две из них. Первая такая попытка связана с именем шотландского поэта Джеймса Макферсона, выдававшего во второй половине XVIII в. свои переработки кельтских преданий за подлинные песни легендарного барда Оссиана, а вторая — с именем чешского писателя Вацлава Ганки, который опубликовал в 1826—1827 гг. подложную «Краледворскую рукопись». В этих условиях и возник вопрос: не из того ли ряда наше «Слово», которое по своим художественным достоинствам занимает особое положение в древнерусской и даже мировой литературе.

Подозрения были тем более основательными, что в 1794 г. вышла книга А.И. Мусина-Пушкина под названием «Исследования о местоположении древнего Тмутараканского княжества» с посвящением императрице, в котором говорилось, что издание осуществлено по повелению Екатерины II и что автор пользовался ее советами. В этой книге описывалась каменная плита (сохранившаяся до сих пор) с надписью, принадлежащей сыну князя Святослава Ярославича — Глебу и относившейся к 1068 г. Надпись сообщает о результатах измерения им Керченского пролива по льду. В эти годы Глеб действительно княжил в Тмутаракани — в той самой Тмутаракани, откуда позднее выступил упоминавшийся в «Слове» князь-сепаратист Олег! В условиях этого совпадения последовал вывод скептиков, что и тмутараканский камень, и «Слово о полку Игореве» поздние подделки, которые преследовали политические цели — подтвердить давние права Руси на отторгнутую у Турции Тамань (А.Л. Монгайт).

Однако этот вывод нуждался в фактическом обосновании. Между тем, как писал позднее Р. Якобсон, у скептиков не было «ничего, кроме каких-то кулуарных разговоров, нескольких неясных суждений в печати, случайной ссылки студента Беликова на аргументы Каченовского, которые сам профессор никогда не соизволил опубликовать и, наконец, двух или трех шутовских бесед Сенковского».

Естественно, что взгляды скептиков вызвали резкие возражения лучших ученых и писателей России, в их числе А.С. Пушкина, М.П. Погодина, М.А. Максимовича, С.П. Шевырева и др. Их соображения, как выяснилось позднее, были вполне оправданными. В середине XIX в. в широкий научный оборот вошла обнаруженная несколько ранее в архивах «Задонщина» — памятник, в котором шла речь о битве русских с татарами и который содержал целый ряд слов и выражений, точно или с некоторой переделкой повторявших соответствующие явления «Слова». И поскольку в оригинальности «Задонщины» не было сомнений (она дошла до нас в шести редакциях), стало ясно, что этот памятник, повествующий о более позднем времени (1380 г.), учитывал опыт «Слова» и основывался на нем. После этого первая волна скептицизма отхлынула.

Прошло, однако, около полустолетия, и на горизонте появилась вторая волна все того же скептицизма. На рубеже XIX—XX вв. французский исследователь Л. Леже, который, строго говоря, скептиком не был, выдвинул предположение, что отношения между «Словом» и «Задонщиной» должны быть перевернуты — в том смысле, что «Слово» следует рассматривать как произведение позднее, созданное на базе «Задонщины» примерно в XIV—XV столетиях. Это предположение Л. Леже усвоили его западноевропейские сторонники А. Мазон, Я. Фрчек, А. Вайан, И. Свенцицкий и др., правда отодвигавшие время создания «Слова» к XVIII в. и искавшие автора поэмы в окружении графа А.И. Мусина-Пушкина. У нас в 60-е годы к скептикам второй волны примкнул ленинградский историк А.А. Зимин, полагавший, как и А. Мазон, что «Слово» было написано в XVIII в., только другим автором — церковным деятелем Иоилем Быковским, у которого А.И. Мусин-Пушкин приобрел рукопись произведения. И снова история повторилась. С 30-х годов XX столетия появляется серия работ русских ученых-славистов, живших в Югославии, Чехословакии, Соединенных Штатах Америки: Е.А. Ляцкого, И.Н. Голенищева-Кутузова, А.В. Соловьева, Р.О. Якобсона, а

с середины 40-х годов — отечественных славистов Н.К. Гудзия, В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, О.В. Творогова, Р.П. Дмитриевой и др. Ими было убедительно доказано, что «Слово» — подлинный памятник древнерусского периода, а не поздняя подделка. Правда, разыскания ученых оказались сопряжены в нашей стране с политическими охранительными мероприятиями (особенно давшими о себе знать при обсуждении работ А.А. Зимина и оставившими в душах ученых тяжелый осадок), но это не помешало тому, что «новый поход» на «Слово о полку Игореве», как в полемическом запале выразился Е.А. Ляцкой, к началу 70-х годов (или даже несколько ранее) закончился провалом.

Наивно, однако, было бы думать, что схватки по поводу подлинности «Слова» исчерпали себя, они продолжают по сей день, причем развиваются по знакомому сценарию. Третья волна скептицизма заявила о себе примерно в середине 70-х годов, когда стали появляться работы западноевропейских исследователей К. Треста, Р. Айтцетмюллера и М. Хендлера, взгляды которых не были отделены с достаточной строгостью от взглядов скептиков второй волны и даже являлись их своеобразным продолжением. Однако сами скептики претендовали на особую значимость своих работ, о чем красноречиво свидетельствует утверждение Р. Айтцетмюллера: «Изучение “Слова о полку Игореве” вступает в новую стадию. Теперь, когда уже представляется несомненным, что это не подлинное произведение XII в., вопрос о его происхождении должен быть поставлен заново». В начале XXI в. ряды скептиков третьей волны пополнились: было опубликовано капитальное исследование американского слависта Э. Кинана, предпринявшего попытку найти новые свидетельства поддельности «Слова» и избравшего на роль фальсификатора памятника основателя славянской лингвистики чеха Йозефа Добровского, знавшего русский язык и посетившего в XVIII в. Россию. Ответом на взгляды новых скептиков явились работы отечественных ученых, особенно значимыми из которых были статья О.Б. Страховой «Языковая практика создателя

“Слова о полку Игореве” и лингвистические взгляды Йозефа Добровского» (2003 г.) и книга А.А. Зализняка «“Слово о полку Игореве”: взгляд лингвиста» (2004 г.). В этих работах подробно рассмотрены соображения скептиков третьей волны и показана их несостоятельность. Но ликовать по этому поводу бессмысленно. Настораживает одно чрезвычайно важное обстоятельство — то упорство, с которым скептицизм защищает свои, казалось бы, давно потерянные позиции.

Объяснить это стремлением к сенсационному разоблачению талантливого мистификатора, характером дискуссии, приобретшей в советские времена явный политический окрас, переоценкой значимости темных обстоятельств, связанных с открытием «Слова» и его первой публикацией, или другими факторами подобного рода, конечно, невозможно. Эти факторы, понятно, дают о себе знать в отдельно взятых работах, но не они определяют беспримерную длительность дискуссии по поводу «Слова». Дело здесь совсем в другом.

Обратим внимание на то, что, хотя эта дискуссия еще продолжается и никому не дано знать, когда она закончится, сейчас уже ясно: необычная ситуация, сложившаяся в слововедении, имела для него крайне противоречивые последствия. С одной стороны, дискуссионные бури вызвали невиданное повышение интереса к «Слову», способствовали расширению фронта научных исследований по русскому Средневековью, обусловили заметный рост числа научных публикаций и — как итог — привели к заметному возрастанию научного капитала, созданного многими поколениями талантливых ученых.

Но, с другой стороны, беспрецедентная полемическая схватка, растянувшаяся почти на 200 лет (она сопоставима разве что с длившимся полтора столетия спором о том, кем в действительности был В. Шекспир, неизвестно почему принявший имя малограмотного выходца из Стратфорда-на-Эйвоне, актера-пайщика театра «Глобус»), привела к непроизводительной трате научных сил. Практически всю свою историю слововедению пришлось доказывать подлинность «Слова», отвлекаясь от решения мас-

сы других, не менее важных задач. В этих условиях естественным образом произошла мифологизация основных, исходных научных представлений о «Слове», восходящих еще к первым публикаторам памятника: незамысловатые соображения, «вычисленные» с помощью догадок и предположений, с течением времени приобрели статус истин в последней инстанции, хотя с истинами они ничего общего не имеют.

Если кратко суммировать, отмеченные представления сводятся к двум взаимосвязанным тезисам: 1) «Слово» написано на исходе XII в. или, в крайнем случае, в начале XIII; 2) автор «Слова» является современник похода Игоря на половцев, возможно, даже участник битвы на Каяле. Но к настоящему времени выявилась целая серия фактов, резко противоречащих этим тезисам. Отношение к ним представителей обоих лагерей (традиционалистов и скептиков), естественно, оказывается различным и вместе с тем имеет общую черту: оно и в том и в другом случае одинаково ущербно в логическом отношении. В самом деле, скептики, когда сталкиваются с утверждением об отнесенности «Слова» к XII в., опираясь на эти факты, решительно говорят: «Нет!» и направляют без всяких колебаний свои исследовательские корабли в знакомую гавань: утверждают, что «Слово» — поздняя подделка. Соответственно традиционалисты, в очередной раз доказав, что подделкой здесь и не пахнет, столь же решительно заключают, что памятник написан в XII столетии, а поздние по времени языковые элементы появились при переписке, т.е. опять-таки без колебаний плывут в свою гавань. Никаких других решений оба лагеря не принимают и даже не ищут. А между тем такое решение есть. Достаточно нам отказаться от двух некорректных констатаций, что «Слово» — подделка и что поздние языковые элементы привнесены переписчиками, и у нас не остается ничего иного, как признать: «Слово» — подлинный памятник, но написан он не сразу после похода Игоря на половцев, а какое-то время спустя, и, следовательно, он располагается совсем не в той временной нише, где его ищут. Именно это допущение, основанное

на многочисленных и непротиворечивых фактах, позволило установить имя творца «Слова о полку Игореве», выявить яркие особенности творческой манеры нашего первого поэта, обнаружить другие его произведения, дотоле приписывавшиеся кому-то неизвестному.

Об этой исследовательской истории, напоминающей детективное расследование, и повествует книга, которую держит в руках читатель.

ЧАСТЬ 1

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Прежде чем приступить к изложению основного материала части первой, необходимо сделать две оговорки.

В первую очередь в оговорке нуждаются содержание и композиция этой части. Читатель не найдет здесь систематического описания всех (или почти всех) проблем «Слова», поскольку многое оставлено в зоне осознанного невнимания. Причин для этого несколько: «Слово» представляет собой целый клубок трудноразрешимых загадок, и размотать его одному человеку явно не по силам; ряд вопросов на протяжении двухсот с лишним лет изучения памятника неоднократно привлекал к себе внимание исследователей и истолкован весьма корректно, так что обращение к уже известному означало бы ломиться в открытую дверь и т.д. Как уже говорилось в разделе «От автора», ключевой проблемой «Слова» является проблема времени его написания, и она, естественно, выдвинута на первое место. Ее анализ будет продолжен выяснением авторства памятника, а затем рассмотрением связей «Слова» с византийской литературой и характеристикой творческой манеры поэта. Вопрос о дефектных фрагментах «Слова» вынесен в конец части Первой книги — как не состоящий в прямой связи ни с одной из анализируемых проблем и вместе с тем существенно важный для общего понимания памятника.

Вторая оговорка касается характера изложения, принятого в части 1. Хотя та насквозь диалогична, от нее нельзя ожидать привычных пространственных обзоров литературы вопроса. Этот

факт не следует расценивать как неуважение или безразличие к научной традиции, без которой современное слововедение просто непредставимо. Он есть прямое следствие того, что автор, ограниченный узкими рамками книги, вынужден был довольствоваться в первую очередь обоснованием развиваемой им концепции, находящейся в условиях конфликта интерпретаций с названными и неназванными в части первой, но одинаково хорошо известными специалистам концепциями.

Глава 1

КОГДА БЫЛО НАПИСАНО «СЛОВО»?

Мы не знаем, когда наш неизвестный соотечественник послал в будущее свое произведение. Сведений об этом нет ни в самом памятнике, ни в летописях, ни в каких-либо документах, относящихся к истории России. Поэтому получить информацию о времени создания «Слова о полку Игореве» можно только одним путем — гипотетическим, т.е. посредством всякого рода предположений, которые после проверки их на соответствующем фактическом материале обнаруживают свою состоятельность или, напротив, несостоятельность.

Первая гипотеза, касающаяся датировки «Слова», была предложена публикаторами памятника А.И. Мусиным-Пушкиным и его помощниками, которые исходили из того, что героическая песнь о походе князя Игоря была создана непосредственно после описанных событий и, стало быть, попала к читателям «в исходе XII столетия». В основе гипотезы лежало несколько допущений, не подтвержденных фактами: «Слово» написано по свежим следам событий непосредственным участником похода Игоря, датировать литературное произведение можно с учетом того, говорится ли в тексте о герое как о живом или мертвом, и т.д. Эти допущения (о них речь будет идти ниже), как понимает читатель, легко уязвимы для рациональной критики и, скорее всего, как и гипотеза в целом, были бы отвергнуты в том же, XIX в. Но здесь дали о себе знать особенности биографии изучения па-

мятника. Мы помним, что уже в первые годы после публикации памятника на исследовательском горизонте появились первые ласточки скептицизма, заявившего о поддельности «Слова» и отнесенности его к XVIII столетию. В этих условиях слововеды, поставленные перед необходимостью защиты «Слова» от необоснованных нападок, в то же время оказались вынужденными отстаивать и правоту хронологической гипотезы А.И. Мусина-Пушкина, потому что отказ от нее, как уже подчеркивалось в разделе «От автора», автоматически вел к признанию правоты скептиков. В ходе последующих дискуссий, ставших особенно напряженными в промежутке от 30-х до 70-х годов XX в., слововедение канонизировало два взаимосвязанных вывода, что «Слово» — подлинный памятник и что «Слово» написано не в XVIII, а в XII столетии. Но эти выводы были неравноценны. Первый из них базировался на многочисленных и весьма убедительных свидетельствах оригинальности памятника, собранных русскими и зарубежными исследователями. Что же касается второго вывода, он «засиял» лишь в отраженном свете первого и основывался на нехитром, логически ущербном постулате: раз памятник подлинный и написан не в XVIII в., значит, он относится к XII в. Но в пылу полемики мало кто заметил, что за весь XX в. не было найдено ни одного нового аргумента, подтверждающего гипотезу А.И. Мусина-Пушкина. А между тем гипотезу все-таки требовалось как-то обосновывать, и эти обоснования вылились в серию предположений-догадок. Вот наиболее яркие примеры.

В начале 80-х годов И.Д. Дмитриев-Кельда выдвинул предположение, что автор «Слова» выступил на съезде князей в 1185 г. с речью, которую затем по поручению князя Святослава Всеволодовича переработал в повесть, присоединив к этой речи плач Ярославны и рассказ о сне Святослава¹. Позднее, в 1989 г., Л.Е. Махновец решительно заявил, что впервые «Слово» было исполнено автором на княжеском пиру у Святослава Всеволодовича 15 августа (праздник Успения Богородицы) 1185 г., через несколько часов после поездки Игоря в церковь Богоро-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru